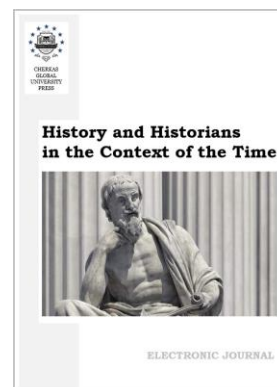

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 History and Historians in the Context of the Time
 Has been issued since 1992.
 E-ISSN: 2310-6239
 2022. 31(1): 13-30

DOI: 10.13187/hhct.2022.1.13
<https://hhct.cherkasgu.press>

About the Risks of Using the Term “Decossackization”

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

A number of emotional and potentially destructive terms are currently used in post-Soviet historiography and journalism. The most striking example of such a term is the term “genocide”. The issue of its interpretation by Russia is currently even being considered by the International Court of Justice. However, there are more specific terms that are used to refer to specific repressions, such as “holodomor” or “decossackization”.

The term “decossackization” is often used without deciphering its specific meaning, even in scientific literature. Meanwhile, it is ambiguous, and there are cases of its use to refer exclusively to the “genocide of the Cossacks”. Given the existence of socio-political forces calling for retribution against the Russians for this genocide (real or mythical), the question of the appropriateness of using the scientific term “decossackization” is particularly acute.

The article shows that the term “decossackization” is not authentic. The first cases of its use that we found date back to the turn of 1910–1920, and then it had a different meaning, denoting a relatively peaceful process of the Cossacks losing their privileges and identity. It began to be used regularly on the pages of the emigrant magazine “Vol'noe kazachestvo” by 1930. However, even then it first changed its meaning, starting to be used to refer to a variety of processes that are unfavorable for the Cossacks, according to the editors of the magazine. And only in the 1990s “Decossackization” enters the dictionaries of the Russian language as a designation for harsh Soviet repressions of the Cossacks.

Modern historians use the term “decossackization” in all the above senses, adding their own to them. This makes it harder, not easier, to understand their articles. In addition, the term “decossackization” often hides non-obvious author's views on various processes in the history of the Cossacks. The author concludes that the use of the word “decossackization” as a scientific term should be avoided, replacing it with complex authentic terms (for example, «mass terror against the Cossacks»).

Keywords: Don Cossacks, Decossackization, Don historiography, “Vol'noe kazachestvo”, scientific terms, Cossack nationalism.

1. Введение

Некоторые используемые историками термины имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, и их применение политиками и публицистами может иметь самые непредсказуемые последствия. В первую очередь, это относится к такому термину, как

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

«геноцид». 7 марта 2022 г. Международный суд ООН начал рассмотрение дела Украины против России, в котором, в частности, поставлен вопрос о том, насколько обосновано применение российскими властями понятия «геноцид» для обвинения политических оппонентов. «Ложно обвиняя в геноциде, чтобы оправдать свою агрессию, Россия оскверняет Конвенцию о геноциде», – заявил представитель Украины в суде ([Public sitting..., 2022](#)). Российская Федерация в ответ утверждает следующее: «Ссылка на геноцид не равносильна ссылке на Конвенцию <о Геноциде> или несогласию с ней, поскольку понятие геноцида существует в обычном международном праве независимо от Конвенции. Оно существует и в национальных правовых системах государств, в том числе в Российской Федерации и Украине» ([Russian Federation, 2022](#)). Таким образом, согласно позиции России, государства имеют право по-своему трактовать понятие «геноцид», и это не должно считаться нарушением Конвенции о геноциде. Независимо от вердикта, который вынесет суд, факт начала подобных слушаний свидетельствует о внимании ООН к проблеме необоснованного применения политиками в собственных целях термина «геноцид».

Но на территориях, исторически входивших в состав Российской империи и СССР, помимо термина «геноцид» используются более частные термины, означающие жесткие репрессии властей по отношению к конкретным группам населения. Самым известным из подобных терминов является «голодомор», о котором было немало дискуссий между российскими и украинскими историками. Однако потенциально деструктивны в руках политиков и публицистов и другие термины, в частности, «расказачивание». В настоящее время многие казачьи организации тесно сотрудничают с властями Российской Федерации, а в 2020 г. была принята новая «Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества» ([Указ Президента..., 2020](#)). Тем не менее, в казачьей среде существуют радикальные группы, требующие призвать Россию к ответственности за преступления против казаков. В 2017 г. бывший депутат Государственной Думы Российской Федерации Н.Н. Лысенко выступил за проведение «нового процесса Международного трибунала по расследованию преступления геноцида казаков» ([Лысенко, 2017: 17](#)). Разумеется, реально совершенные преступления должны наказываться, в том числе и с помощью международных судов. Однако при этом необходимо сохранять объективность, опираясь на реальные факты и, если речь идет о преступлениях вековой давности, исторические исследования. Между тем сами историки зачастую недостаточно серьезно относятся к слову «расказачивание», создавая дополнительные предпосылки для его некорректного использования публицистами и политиками.

Действительно, термин «расказачивание» постоянно используется в современной историографии. Он попадает не только в названия статей, но и в названия полноценных монографий: так, в 2013 г. вышла книга «Расказачивание в Хоперском округе в 1918–1931 гг.» А.Н. Демидовой ([Демидова, 2013](#)), а в 2019 г. – книга «Цимлянская плотина: последний аккорд расказачивания на Дону» Г.Г. Матишова, О.С. Савельевой, Е.Ю. Слюниной ([Матишов и др., 2019](#)). Проводятся и научные конференции, специально посвященные «расказачиванию» ([Казачество..., 2019](#)). Между тем значение понятия «расказачивание» остается не определенным.

В этом плане очень показательна статья И.Ю. Юрченко, специально посвященная историографии проблемы «расказачивания», и опубликованная в авторитетном «Вестнике Волгоградского государственного университета» ([Юрченко, 2019](#)). И.Ю. Юрченко упоминает, что термин «расказачивание» вошел в словари русского языка только в 1998 г., а до этого существовал «полуофициально», «в качестве узкоспециализированного термина историков казачества и шолоховедов» ([Юрченко, 2019: 226](#)). При этом большая часть статьи И.Ю. Юрченко посвящена советскому «расказачиванию», которое однозначно трактуется исследователем как геноцид казачьего народа, со ссылками на законодательные акты Российской Федерации, однако в конце статьи внезапно выясняется, что «обсуждение «расказачивания» как эвентуальной возможности началось еще в публицистике дореволюционной России» ([Юрченко, 2019: 227-229](#)). Что же именно обсуждали дореволюционные авторы, если термин «расказачивание» стал общепринятым только в конце XX в.? Работ, написанных до 1917 г. и посвященных перспективам физического уничтожения казаков нам не известно. Тем не менее, у не занимающегося специально

казацкой тематикой читателя может сложиться впечатление, будто бы задолго до большевиков некие силы хотели организовать геноцид казаков.

Крупный специалист по истории казачества 1920 г., автор многочисленных статей о «рассказывании» А.П. Скорик, предлагает «различать исторический процесс рассказывания от многообразной политической практики рассказывания, связанной с вполне конкретными антиказачьими акциями» (Скорик, 2019: 104). Формального определения «историческому процессу рассказывания» А.П. Скорик не дает, но из текста ученого ясно, что под ним подразумевается процесс утраты казаками особой идентичности, начавшийся во второй половине XIX в. и продолжающийся по сей день (Скорик, 2019: 109). В качестве «политических практик рассказывания» А.П. Скорик позиционирует любые процессы, приведшие к «заметному сокращению численности казачьего сообщества», причем им указываются случаи, когда подобные практики реализовывались не только советской властью, но и правительством Французской республики, и даже правительством Всевеликого Войска Донского под руководством П.Н. Краснова (Скорик, 2019: 105). Таким образом, А.П. Скорик трактует понятие «рассказывания» заметно шире, чем И.Ю. Юрченко. Однако у него этот термин фактически получает два совершенно не связанных смысловых значения, что в перспективе может привести к двусмысленностям и ошибкам при его использовании.

Интересное объяснение двусмысленности слова «рассказывание» принадлежит авторитетному историку Гражданской войны на Дону В.П. Труту. По его мнению, эта двусмысленность возникла исторически. Якобы, «под «рассказыванием» еще во второй половине XIX – начале XX в. понимали упразднение сословных льгот и тягот (т. е. прав и обязанностей) казачества как социально-классовой (в данном случае – сословной) общности, уравнивание его в социально-экономическом плане с другими слоями населения, главным образом – с крестьянством» (к сожалению, конкретных примеров подобного использования слова «рассказывание» В.П. Трут не приводит) (Трут, 2003: 24-29). Напротив, в советский период «рассказывание» стало означать «осуществлявшиеся большевистским руководством масштабные и целенаправленные действия по реализации открытой репрессивной политики и в отношении казачества, вобравших в себя множество мер, вплоть до массового физического уничтожения мирного казачьего населения, направленных на полное искоренение особенностей казачества как этносоциальной общности» (Трут, 2003: 24-29). В.П. Трут еще более акцентированно, чем А.П. Скорик, предлагает развести значения слова «рассказывание», рассматривая их в качестве «двух совершенно разных смысловых понятий, вкладывающихся в один и тот же условный термин» (Трут, 2003: 24-29). Таким образом, взгляды В.П. Трута на смысловое наполнение слова «рассказывание» противоречат позициям и И.Ю. Юрченко, и А.П. Скорика, поскольку для него дореволюционные и советское «рассказывания» выступают как принципиально различные процессы, случайно объединенные общим названием.

При этом, как правило (и во всех приведенных выше случаях), «рассказывание» изучается на примерах из истории казачьих войск Юга России. Попытки же исследователей обратиться к иным казачьим войскам происходят значительно реже, и порой приводят к неожиданным результатам. Так, омский исследователь В.А. Шулдяков вводит производный термин «саморассказывание», который использует для описания позиции большинства сибирских казаков в 1917 г. (Шулдяков, 2016: 25). В доказательство того, что сибирцы добровольно выступали за некое «саморассказывание», историк приводит такой отрывок из наказа выборных Омского казачьего гарнизона Общеказачьему съезду: «Мы признаем необходимым слиться в требованиях с трудовым населением России и проводить в жизнь полное уравнивание прав всех граждан, не отделяя казаков ни в каких правах и преимуществах» (Шулдяков, 2016: 25). Однако, к сожалению, четкого определения для своего термина В.А. Шулдяков не дает.

Нам представляется, что по мере изучения разнородных процессов, которые одинаково называют «рассказыванием», историкам постепенно становится все более очевиден неоднозначный характер этого термина. Как справедливо отмечает А.П. Скорик, «раньше в условиях явной недостаточности информационной платформы для анализа политики рассказывания убедить общественность стремились хотя бы двумя-тремя фактами» (Скорик, 2019: 103). Но по мере накопления эвристического материала вполне

очевидно выяснилось, что под единым термином «рассказачивание» разные авторы понимают совершенно не идентичные процессы. Попытки как-то разрешить эту проблему предпринимаются, однако они скорее только ухудшают ситуацию, поскольку предлагаемые разными исследователями четкие определения термина «рассказачивание» никак не согласуются между собой. Обратим внимание на две любопытные публикации 2021 г. Кубанская ученая М.В. Подхомутникова, развивая идеи В.П. Трута, пишет, что на самом деле термин «рассказачивание» используют для обозначения двух совершенно не идентичных процессов: «Одна трактовка этого термина говорит о формальном, административном упразднении сословных прав и обязанностей казачества как социально-классовой категории. Другая трактовка – о целенаправленных и масштабных действиях репрессивного толка в отношении казачества» (как мы видим, первое значение уже не привязывается к во второй половине XIX-начала XX в., а второе – к советскому периоду, что делает их более универсальными) (Подхомутникова, 2021: 151). Однако ростовские исследователи Н.В. Шишова, Р.Г. Тикиджьян и В.А. Бондарев предлагают все же рассматривать «рассказачивание» как единый процесс, но состоявший из нескольких этапов, в ходе каждого из которых собственно «рассказачивание» шло особым путем: например, до 1917 г. доминировало «эволюционное рассказачивание», а в годы Гражданской войны – «репрессивное рассказачивание» (Шишова и др., 2021: 40-41).

Попытки трактовать понятие «рассказачивание» расширительно, как любые процессы утраты казаками особой идентичности/сословного статуса или любые практики репрессий против казачества, в свою очередь, создают новые вопросы. Обычно проблемами «рассказачивания» занимаются специалисты по истории начала XX в., которые относят начало «рассказачивания» максимум к предшествующему периоду, ко второй половине века XIX в. Но ведь и репрессии против казачества, и утрата казаками тех или иных элементов своей сословности/идентичности имели место задолго до этого времени! И еще в 1871 г. один из донских офицеров, И.А. Дукмасов, предложил рассматривать процесс исторических трансформаций казачества как естественный и неизбежный: «Важна самая сущность долга казаков, а не форма его. Когда-то казаки служили – на ладьях, в крепостной войне – пешими, и верхом – в поле. Предки наши исполняли свой долг честно и сообразно с требованиями времени. Все хорошо было в свое время. Наше же время предъявляет такие требования, которых старая форма – прежний образ служения – удовлетворить не может. Станем ли мы, наперекор требованиям нашего времени, прикрываясь царскими словами, держаться старых порядков при выполнении нами нашего современного долга?» (Дукмасов, 1871: 53-61). С другой стороны, уже в наши дни крупный специалист по ранней истории Войска Донского П.А. Аваков на X Токаревских чтениях использовал понятие «рассказачивание» по отношению к процессам, происходившим на Дону в начале XVIII в. (сборник конференции в настоящее время готовится к печати) (Конференция..., 2021).

Таким образом, практики применения термина «рассказачивание» в современной историографии вызывают ряд вопросов, причем эти вопросы в перспективе могут стать не только научными, но и политическими, поскольку данный термин может использоваться при обвинении России/СССР в геноциде казаков. Откуда вообще пошло слово «рассказачивание», как его применяли сами современники тех событий Гражданской войны, которые чаще всего называют «рассказачиванием» сейчас? Насколько обосновано расширение или сужение смыслов понятия «рассказачивание», можно ли вообще выработать для него некий однозначный и четкий смысл? И, наконец, насколько уместно использовать понятие «рассказачивание» для описания событий не только конца XIX-первой половины XX вв., но и XVIII или XXI вв.?

2. Материалы и методы

Чтобы ответить на поставленные вопросы, мы обратимся к различным текстам, в которых употребляется (или, напротив, не употребляется, несмотря на возможность его применения) слово «рассказачивание». Тексты эти будут относиться к периоду от середины XIX в. до наших дней, однако особенное внимание мы уделим материалам первой половины XX в., в первую очередь журналу «Вольное казачество», на страницах которого интересующее нас слово начало использоваться регулярно. Применив к этим текстам

сравнительный метод, проанализировав результаты применения термина «рассказачивание», мы поймем, насколько вообще осмысленно его использование в науке.

3. Обсуждение

Из всех исследований, посвященных проблемам «рассказачивания», только в одной статье предпринята попытка подробного анализа генезиса самого термина «рассказачивание». Речь идет о статье «Страшное слово *рассказачивание*» О.А. Давыдовой (Давыдова, 2015). Многие идеи, высказанные этой исследовательницей (филологом, а не историком), представляются нам очень важными, но при этом далеко не бесспорными.

Прежде всего, О.А. Давыдова отмечает, что слово «рассказачивание» не просто было внесено в словари в 1998 г.: оно появилось в «Толковом словаре русского языка конца XX в.» (курсив наш – А.П.), причем с пометой «зафиксировано впервые», и, соответственно, примеры его использования, приводимые в этом словаре, относились к 1990 гг. (Давыдова, 2015: 16). Кстати, определение слову «рассказачивание» в «Толковом словаре русского языка конца XX в.» давалось следующее: «В советское время: политика лишения казачества самостоятельных военных и политических прав, фактически – его уничтожения» (Давыдова, 2015: 16). Таким образом, первоначально слово «рассказачивание» было зафиксировано филологами как неологизм 1990 гг., причем неологизм, применявшийся исключительно для обозначения советской репрессивной политики по отношению к казачеству.

О.А. Давыдова не соглашается с подобной трактовкой слова «рассказачивание», утверждая, будто бы оно было распространено и ранее, однако не фиксировалось по политическим соображениям (Давыдова, 2015: 16). И действительно, исследовательница приводит конкретные примеры употребления слова «рассказачивание», относящиеся к первой половине XX в., однако некоторые из них, даже по ее собственному признанию, предполагают несколько иное значение этого слова. Так, А.И. Деникин писал о политике «рассказачивания» в период власти Временного правительства, причем характеризуя с помощью этого слова потерю казаками своего сословного статуса, часто добровольную, например, когда «круг Забайкальского войска, совместно с крестьянами и инородцами, постановил упразднить войско» (Давыдова, 2015: 17). Чтобы объяснить этот факт, О.А. Давыдова солидаризируется с В.П. Трутом, который, напомним, утверждает, будто бы первоначально, до Гражданской войны, «под «рассказачиванием» понимали упразднение сословных льгот и тягот казачества, уравнивание его в социально-экономическом плане с другими слоями населения» (Давыдова, 2015: 17). Соответственно, как признает исследовательница, А.И. Деникин еще употреблял слово «рассказачивание» в этом, первоначальном значении. Однако, как считает О.А. Давыдова, уже в 1930 гг. слово «рассказачивание» использовалось М.А. Шолоховым в современном значении, для описания репрессивной политики советской власти против казачества. Вот только, если объективно оценивать приводимые ей цитаты, они не вполне соответствуют данному тезису. Так, в тексте романа «Тихий Дон» исследовательница нашла всего один случай употребления даже не слова «рассказачивание», а производного от него глагола «рассказачить»: «А комиссар в Букановской так, к примеру, навораживал: «Я, дескать, вас рассказачу, сукиных сынов, так, что вы век будете помнить!» (Давыдова, 2015: 20). Обычно же М.А. Шолохов использовал для описания репрессий казачества советской властью составные конструкции типа «красные хотят казачество уничтожить поголовно»; «хотят нас коммунисты изничтожить, перевесть вовзят» и т. п. (Давыдова, 2015: 18). Таким образом, получается, что термин «рассказачивание» в художественном нарративе М.А. Шолохова сами казаки вообще не употребляют, а в случае единственный раз употребившего его комиссара очевидно возникает вопрос: если он хотел, чтобы казаки «век помнили» «рассказачивание», означало ли оно их физическое уничтожение, или в данном случае он обращался как раз к тем казакам, которых он хотел лишиться прежнего статуса, «рассказачить» в первоначальном значении этого слова?

Все остальные случаи применения слова «рассказачивание» в первой половине XX в., которые приводит О.А. Давыдова, так же либо имеют не вполне ясное значение, либо однозначно обозначают потерю казаками части своих привилегий без физического уничтожения. Более того, слово «рассказачивание» и в этих примерах используют почти

исключительно не казаки. Так, советская власть впервые употребила это слово 14 августа 1919 г., когда знаменитые декреты о репрессиях против казачества уже были выпущены, причем употребила в следующем контексте: «Оно (советское правительство – А.П.) не собирается никого расказачивать насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например, лампасы)» (Давыдова, 2015: 17). Как мы видим, в риторике самой советской власти «расказачивание» означало уничтожение «казачьего быта», а вовсе не физическое уничтожение казаков. О том, какие слова представители советской власти применяли для обозначения массовых казней казачества, мы напишем ниже, а пока просто отметим, что слово «расказачивание» в этом смысле ими не использовалось. Единственный же найденный О.А. Давыдовой случай употребления казаком слова «расказачивание» в первой половине XX в. имел место в переписке М.А. Шолохова с А.М. Горьким: донской автор писал о «политике расказачивания и ущемления казаков-средняков» (обратим внимание, «расказачивание» снова поставлено в один ряд с ущемлением, а не с физическим уничтожением казаков (Давыдова, 2015: 18)). Однако как раз перед этим казачий писатель приводил цитату из книги Л.С. Дегтярева «Политработа среди населения прифронтовой полосы», где контекст употребления слова «расказачивание» представляется не вполне ясным (Давыдова, 2015: 18). Таким образом, данный термин был заимствован М.А. Шолоховым у другого автора, происхождение которого неизвестно.

Итак, О.А. Давыдовой был поставлен важный вопрос о времени появления слова «расказачивание», а также конкретизированы утверждения В.П. Трута о его совершенно ином первоначальном смысле. Исследовательница указала на случаи употребления интересующего слова в первой половине XX в. и выяснила, что тогда оно действительно часто использовалось в значении, отличном от современного, означая не наиболее жестокие репрессии советской власти против казачества, а сравнительно мягкую, иногда даже добровольную утрату казаками части привилегий. Тем не менее, О.А. Давыдова все же полагает, что и современники могли называть «расказачиванием» массовые казни казаков советской властью. Однако приведенные ей примеры скорее опровергают, чем доказывают последний тезис: ни в одном из них не очевидно, что автор относил к «расказачиванию» физическое уничтожение казаков. Обратимся же теперь к первоисточникам, чтобы понять, как современники называли кровавые события, развернувшиеся на Дону в годы Гражданской войны, и что еще могли называть «расказачиванием» до середины XX в.

Прежде всего, еще раз подчеркнем, что в репрессивных документах советской власти, даже в знаменитом письме ЦК РКП(б) 24 января 1919 г. об отношении к казачеству, ныне чаще именуемом «директивой о расказачивании», репрессии против казаков никогда «расказачиванием» не называются, более того, этот термин там не встречается вовсе. Как и в «Тихом Доне» М.А. Шолохова, вместо этого используются составные конструкции, носящие куда более определенный характер: «борьба со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления» и «массовый террор против богатых казаков» (Хрестоматия, 1996: 259). В том же 1919 г. донским казачьим правительством атамана А.П. Богаевского был выпущен пропагандистский труд, «Очерк политической истории Всевеликого Войска Донского», в котором популярно и крайне идеализированно описывалась вся история донского казачества (Очерк политической истории..., 1919). В нем тоже не использовалось слово «расказачивание». Отношения казаков с советской властью описываются так: «Быстро разобрались казаки в прелестях большевистского строя и в станицах начали вспыхивать восстания, начали формироваться станичные полки. Повстанческое движение скоро приняло организованный характер и привело к блестящим результатам» (Очерк политической истории..., 1919: 71). Остается констатировать, что применение слова «расказачивание» к наиболее жестоким репрессиям советской власти против казаков в ходе Гражданской войны действительно носит позднейший характер, и непосредственно по ходу событий никем не практиковалось. Вместо этого современники использовали различные составные формулировки («поголовное истребление», «массовый террор» и т. п.).

Так когда же в действительности появилось слово «расказачивание»? Донская дореволюционная и эмигрантская историография изучены далеко не достаточно, и поэтому с полной уверенностью ответить на этот вопрос затруднительно. Как мы помним, В.П. Трут утверждает, будто бы интересующий нас термин уже употреблялся во второй половине XIX

– начале XX в., однако никаких доказательств этому не приводит. Гораздо конкретнее предположение Р.Г. Тикиджьяна, согласно которому слово «рассказачивание» возникло в связи с реформами казачества при Александре II: «Именно в этот период (1856–1865 гг.) при обсуждении проектов реформ казачьих областей, впервые в официальной правительственной, министерской и военной переписке, а затем и в либеральной земской прессе, появляется и сам термин – рассказачивание» (Тикиджьян, 2013: 67). Однако конкретных примеров подобного словоупотребления нет и у Р.Г. Тикиджьяна. В 1860 гг. действительно были разработаны проекты упразднения крупного казачьего войска, Оренбургского, однако в них слово «рассказачивание» нам не встречалось. Как и в случае с советскими репрессиями против казачества, современники использовали составные формулировки, причем они могли сильно различаться. Например, автор одного из проектов упразднения Оренбургского войска, молодой офицер Н.А. Маслаковец, писал о «переходе Оренбургского казачьего войска в податное состояние» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98. Л. 590б.). Этот же эвфемизм употребляли и оппонировавшие ему представители войсковой администрации (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 10б.). Донской офицер Н.И. Краснов, рассчитывавший по заданию военных властей финансовые перспективы ликвидации Оренбургского казачьего войска, по собственной инициативе проанализировал и экономические последствия «упразднения Донского войска» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 157). Что касается простых казаков, то новочеркасский журналист А.А. Карасев оставил свидетельство, согласно которому в начале 1860 гг. в донских станицах ходили слухи о «обращении казаков в «мужиков» (Карасев, 1900: 169). Таким образом, если слово «рассказачивание» и появилось в 1860 гг., то оно было отнюдь не общеупотребительным: нам не удалось обнаружить примеров его использования казаками, а в официальной правительственной документации для обозначения возможного упразднения казачьих войск применялись совершенно иные формулировки.

Если брать классические произведения донской казачьей историографии, то производный от слова «рассказачивание» глагол «рассказачивается» в 1924 г. впервые употребил один из крупнейших историков Войска Донского С.Г. Сватиков, причем в выводах к своей главной книге, монографии «Россия и Дон». Отметим, что эта монография в основном была посвящена периоду до 1917 г., и события Гражданской войны в ней предельно кратко описывались во вводной главе без употребления слова «рассказачивание» (Сватиков, 1924: 4-6). Глагол «рассказачивается» С.Г. Сватиков использовал в довольно необычном контексте, так описывая будущие перспективы Войска Донского: «Или колония (Войско Донское, колония России по мнению С.Г. Сватикова – А.П.) объединяет население края, «оказачивая» его и отстаивает автономию на основе исторического права. Или же «рассказачивается» войсковое сословие и имперское право вводится во все без исключения области жизни края и его население» (Сватиков, 1924: 579). Таким образом, С.Г. Сватиков употреблял термин «рассказачивание» именно в том значении, с которым мы сталкивались у других авторов первой половины XX в.: не в значении физического уничтожения казаков, но в значении утраты ими особых прав и обязанностей и дальнейшего слияния с другими группами населения. При этом у С.Г. Сватикова четко прослеживается противопоставление «рассказачивания» «оказачиванию», что позволяет сделать некоторые предположения о логике появления этого слова. Есть некоторые свидетельства того, что слово «оказачивание» в начале XX в. было достаточно известным: в частности, оно звучало даже во время дебатов в Государственной Думе Российской империи (Балинов, 1932: 7). Соответственно, представляется вероятным, что неологизм «рассказачивание» образовался от слова «оказачивание», которое обозначало мирное вступление сторонних людей в казачье сословие. Тогда вполне понятно, почему «рассказачивание» изначально обозначало именно мирный процесс утраты казаками своих привилегий и/или идентичности.

Чтобы закончить сюжет с употреблением слова «рассказачивание» в первой половине XX в., мы обратились к эмигрантскому журналу «Вольное казачество», выходившему в 1920–1930 гг. На его страницах слово «рассказачивание» встречается регулярно, постепенно входя в специфический словарь эмигранта-казака. При этом первоначальное значение этого слова сохраняется. Так, в № 55 за 1930 г. публикуется статья некоего Н. Нечуй-Левицкого, призывающая к мести против большевиков за их злодеяния против казачества (Нечуй-Левицкий, 1930а: 15). В этой статье термин «рассказачивание» соседствует уже не с

«оказачиванием», а с «раскулачиванием», причем последнее оказывается намного страшнее. Н. Нечуй-Левицкий пишет о семье своих родителей: «Пока их только «рассказачивали», они еще могли жить в своем доме, а когда их стали «раскулачивать», они лишились и крова» (Нечуй-Левицкий, 1930а: 15). Как мы видим, «рассказачивание» снова означает утрату сословного статуса, а не физическое уничтожение. Кстати, буквально в следующем номере, № 56, появляется большая статья о перспективах казачества в СССР, и хотя в ней говорится о том, что коллективизация есть «дьявольский план физического уничтожения Казачества», термин «рассказачивание» для обозначения этого процесса снова не употребляется (Балинов, 1930: 14). И это не случайно: и в других статьях «Вольного казачества», посвященных репрессиям советской власти против казаков, слово «рассказачивание» никогда не употребляется в распространенном ныне смысле, не означает исключительно физического уничтожения казаков советской властью. Здесь наиболее показательными примерами могут быть статья А.А. Геймана «Восстание против большевиков в 1918 г. в Майкопском отделе» (для определения политики большевиков в годы Гражданской войны слово «рассказачивание» не употребляется и вообще не используется нигде в тексте (Гейман, 1930: 18-20) и статья «Большевики в Казачьих Землях» (в ней говорится о советской политике «рассказачивания Казачества» до 1925 г., однако под «рассказачиванием» подразумевается уничтожение казачьей идентичности, в противовес позднейшим попыткам советской власти сохранять некоторые казачьи традиции и восстанавливать казачьи воинские части (Большевики..., 1930: 7).

Однако, хотя на страницах «Вольного казачества» «рассказачивание» еще используется в первоначальном значении, оно быстро прирастает новыми смыслами. Так, в № 57 за 1930 г. «рассказачивание» обозначает и потерю казаками их привилегий, и утрату идентичности, и физическое уничтожение: «Разве систематическое «рассказачивание» Казакии, расстрелы и ссылки казаков или постоянная борьба с украинским национальным движением, – все это не тот же террор, имеющий все ту же цель – денационализировать эти народы и сделать их неспособными к дальнейшему сопротивлению московскому империализму?» (Харьковский процесс, 1930: 4). Таким образом, «рассказачивание» начинает обозначать «денационализацию» казачьего народа, его русификацию любыми способами. В некоторых материалах журнала «Вольное казачество» термин «рассказачивание» употребляется еще в одном смысле: он начинает обозначать раскулачивание казаков. «Массовые расстрелы, выселение с семьями из дворов, даже за пределы родного края, на север, в изгнание, грабеж хлеба, скота, инвентаря и домашних пожитков «раскулачиваемых» и рассказачиваемых хлеборобов со времени объявления пятилетки стало снова на порядок дня», – сообщалось в № 63-64 (Борьба с коммунизмом..., 1930: 9).

Контент-анализ употребления слова «рассказачивание» на страницах «Вольного казачества» представляется нам темой для отдельного исследования, однако и приведенных примеров достаточно, чтобы понять: если в дореволюционной историографии слово «рассказачивание» либо не употреблялось вовсе, либо употреблялось так редко, что конкретные случаи его использования проблематично обнаружить, то в 1920-1930 гг. «рассказачивание» становится словом, употребительным как минимум в среде казаков-эмигрантов. Вот только однозначного смысла это слово не имело: на страницах «Вольного казачества» термин «рассказачивание» постепенно стал применяться максимально широко, обретая еще и четвертое значение, используясь как определение любой антиказачьей политики. «Ни в какой России не может быть свободного и сильного Казачества, – Россия, всякая Россия будет рассказачивать и ликвидировать Казачество в своих собственных интересах», – сообщалось в анонимной редакционной статье, в которой отстаивалась идея о необходимости независимости казачьих территорий от России (Наш ответ..., 1930: 9). Слово «рассказачивание» использовалось даже в лозунгах, причем там оно, на наш взгляд, в принципе теряло внятный смысл, становясь синонимом всего не нравящегося редакции: «Довольно эмигрантских дрызг! Все на фронт по борьбе с рассказачиванием! Создадим идейные ряды единого свободного Казачества и все без исключения станем в них. Руки, голова, голос, речь, авторитет, связи – все годится для нашего фронта. Кто пером, кто топором, кто лопатой, а кто песней и танцами – помогайте удерживать наш боевой строй. Гордость от сознания своей принадлежности к Казачеству должна быть тем магнитом,

который соберет около себя железные опилки Казачества, рассыпавшегося по свету» (Нечуй-Левицкий, 1930b: 16).

Логичным завершением предельно расширительной трактовки понятия «рассказачивание» и курса на независимость казачьих войск от России, характерных для редакции «Вольного казачества», стали акцентированные обвинения в «рассказачивании» не только СССР, но и Российской империи: «Вольное казачество» говорит и пишет, что царское правительство рассказывало казаков» (Савельев, 1930: 17). Для сравнения приведем отрывок из текста упомянутого выше «Очерка политической истории Всевеликого Войска Донского», также остро критичного по отношению к имперской России: «Однако привести Дон к положению рядовой губернии, лишить его всякой самобытности, как это было сделано с другими окраинами, не удалось» (Очерк политической истории..., 1919: 39). Таким образом, о наступлении имперского правительства на казачьи привилегии упоминалось и в более раннем тексте, написанном как раз во время Гражданской войны, однако «рассказачиванием» этот процесс там еще не назывался.

Подведем итоги нашего анализа использования слова «рассказачивание» до середины XX в. Попытки доказать, будто бы это слово возникло в дореволюционный период, выглядят не убедительно. Конкретных примеров его использования до 1919 г. нам обнаружить не удалось: процессы упразднения казачьих войск в Российской империи официально назывались совершенно иначе, а если какой-то публицист или общественный деятель и употреблял тогда слово «рассказачивание» в неофициальных текстах (полностью исключать такой возможности мы не можем), распространенным оно не стало. Известными авторами слово «рассказачивание» начинает использоваться на рубеже 1910-1920 гг., причем в это время оно еще не применяется для обозначения репрессий советской власти против казаков. И сама советская власть (1919 г.), и А.И. Деникин (1921 г.), и С.Г. Сватиков (1924 г.) называют «рассказачиванием» процесс относительно мирной, порой даже добровольной утраты казаками особых прав и обязанностей и их дальнейшее слияние с другими группами населения. При этом С.Г. Сватиков прямо сопоставляет процессы «рассказачивания» и «оказачивания», тем самым давая почву для размышлений относительно происхождения интересующего нас термина. Наконец, и советская власть, и А.И. Деникин, и С.Г. Сватиков употребляли слово «рассказачивание» разово, и в целом для их взглядов оно не имело принципиального значения. Ситуация меняется только в эмиграции, к 1930 гг., когда слово «рассказачивание» начинает регулярно употреблять как минимум журнал «Вольное казачество». Но как раз на страницах этого издания интересующее нас слово теряет четкое значение: теперь оно может означать и процесс утраты казаками своих исторических привилегий, и «денационализацию» казачьего народа, и раскулачивание казаков, и вообще любые антиказачьи, с точки зрения редакции журнала, политики и явления. Вот только случаев употребления термина «рассказачивание» для обозначения исключительно физического уничтожения казаков советской властью мы не нашли.

Таким образом, судя по всему, составители «Толкового словаря русского языка конца XX в.» были правы, утверждая, что слово «рассказачивание» в качестве обозначения для жестоких репрессий советской власти против казаков, «фактически уничтожения» последних, входит в массовый русский язык только в 1990 гг. В более ранний период это слово не фиксировалось словарями вовсе не по политическим соображениям, как считает О.А. Давыдова. Просто даже в среде казаков-эмигрантов, где оно точно использовалось, у него не было устоявшегося значения. В пользу этого свидетельствует и то, что составленный в эмиграции «Казачий словарь-справочник» также не содержит слова «рассказачивание» (нет не только статьи о нем, но и в разделе о донском казачестве в целом большевистские репрессии называются «уничтожением всех явных противников советских новшеств», а не «рассказачиванием» (Казачий словарь-справочник, 1968). Таким образом, хотя слово «рассказачивание» действительно, как и утверждает О.А. Давыдова, начало распространяться с 1920 гг., оно в течение длительного времени было неологизмом (или, скорее, публицистическим образом) с не вполне понятным значением. Общеупотребительным же слово «рассказачивание» становится только в 1980-1990 гг., в период возрождения казачества, но при этом оно приобретает совершенно новый смысл.

Насколько же уместно употребление термина «рассказачивание» в научной литературе, с учетом показанной выше специфики его происхождения? Как мы видим, слово

«рассказывание» начало регулярно использоваться в остро политизированной публицистике, его смысловое наполнение очень сильно менялось, и поэтому, употребляя термин «рассказывание» без четкой расшифровки, историк должен осознавать, что рискует быть неверно понятым. При этом аутентичным слово «рассказывание» отнюдь не является, и при описании событий донской истории можно сразу использовать более точные составные определения, восходящие к работам современников.

В этой связи необходимо отметить, что термин «рассказывание» хорошо укладывается в классификацию исторических терминов, предложенную известным исследователем И.Н. Данилевским. И.Н. Данилевский предлагает выделить четыре группы терминов, активно используемых в современной исторической науке: «универсальные номенклатурные термины» (они возникают в смежных с историей науках и заимствуются историками в первоначальном значении, как, например, термины «социальная группа», «государство» или «этнос»); «термины-определители» (искусственно возникшие в историографической традиции термины, условность которых очевидна, как, например, в случае с взаимозаменяемыми и никогда не использовавшимися современниками терминами «Древнерусское государство»/«Древняя Русь»); «конкретные номенклатурные термины» (как правило, ставшие терминами слова, взятые из текстов современников, например «дружина» или «князь»); и, наконец, «производные номенклатурные термины» (термины, созданные историками искусственно, чаще всего из конкретных номенклатурных терминов, например, «дружинник» от «дружины» и «княжество» от «князя») (Данилевский, 2020: 109-113). Очевидно, что термин «рассказывание» в рамках данной классификации является «производным номенклатурным термином», термином, постфактум созданным даже не историками, а публицистами. Применение подобных терминов И.Н. Данилевский считает достаточно рискованным: «Использование производных номенклатурных терминов особенно проблематично, поскольку и сам исследователь, и его читатели чаще всего полагают, что это «родные» для данной эпохи слова. Ставши привычными, они, как правило, включаются в историографический нарратив без всяких оговорок, создавая иллюзию полного соответствия исторической реальности» (Данилевский, 2020: 113). Как мы видим, именно это и произошло с термином «рассказывание». Слово, в действительности начавшее входить в обиход на рубеже 1910–1920 гг. в качестве редкого неологизма, а широкое распространение в русском языке получившее не раньше 1980 гг., сейчас используется как аутентичный термин начала XX в., причем с попытками «удревнить» его до 1850 гг.!

И.Н. Данилевский считает, что использовать производные номенклатурные термины все же допустимо, но они обязательно «нуждаются в определении, чтобы не ошибиться в значении, которое подразумевает использующий их историк» (Данилевский, 2020: 113). Однако в случае с термином «рассказывание» ситуация дополнительно усложняется тем, что его смысловые значения исторически крайне размыты в связи со спецификой происхождения. В итоге, как нам представляется, в большинстве случаев применение слова «рассказывание» в научных статьях не столько облегчает, сколько усложняет их понимание. Попытаемся продемонстрировать опасности использования этого термина на нескольких примерах.

Как мы убедились выше, в наиболее узком значении термин «рассказывание» используется для описания наиболее жестоких проявлений репрессивной политики советской власти по отношению к казачеству. При подобной трактовке данный термин приобретает четкое значение, на первый взгляд не оставляющее места двусмысленностям. Однако проблема в том, что к настоящему времени сложились достаточно представительные историографическая и публицистическая традиции применения термина «рассказывание» и для описания некоторых элементов политики Российской империи. Как мы видели, подобная трактовка восходит как минимум к материалам из журнала «Вольное казачество», опубликованным еще на рубеже 1920–1930 гг. Сохраняется она и в современной казачьей публицистике. Так, в достаточно известной и скандальной книге Н.Н. Лысенко «Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования» термин «рассказывание» часто употребляется как раз для описания ситуации до 1917 г., причем местами с положительной коннотацией («Сословное рассказывание стало бы благом, а отнюдь не трагедией»), а вот советские репрессии казачества однозначно

и называются «геноцидом» (Лысенко, 2017: 17, 64). Таким образом, мы сталкиваемся с трактовкой термина, близкой к первоначальной: физическое уничтожение казаков советской властью Н.Н. Лысенко исключает из смысловой нагрузки более нейтрального слова «расказачивание», и именуется гораздо более экспрессивно, «геноцидом». Конечно, можно просто исключить из рассмотрения очень спорную в историческом плане книгу Н.Н. Лысенко. Однако нужно помнить, что слово «расказачивание» впервые начало регулярно употребляться в казачьей эмигрантской публицистике, и поэтому оно, скорее всего, будет продолжать употребляться – и едва ли корректно с научной точки зрения – в современной казачьей публицистике, развивающей многие идеи казаков-эмигрантов. Так стоит ли усиливать уже существующую смысловую неопределенность, пытаясь сузить значение термина «расказачивание» до четкого и однозначного научного определения, в то время как слово «расказачивание» часто употребляется как публицистический образ?

С другой стороны, попытки трактовать термин «расказачивание» расширительно приводят к фактическому выхолащиванию этого термина, к лишению его внятного смысла. Как мы видели, не только Н.Н. Лысенко, но и ряд авторитетных историков (Р.Г. Тикиджян, А.П. Скорик и др.) предлагают отсчитывать процесс «расказачивания» с имперского периода, точнее со второй половины XIX в. Вот только при этом не вполне понятно, почему, например, Р.Г. Тикиджян считает «эволюционное расказачивание» при Александре II именно «расказачиванием», а репрессии Петра I против донских казаков к «расказачиванию» не относит. Между тем масштаб петровских репрессий против казаков, по мнению некоторых авторов, едва ли не превосходил масштаб репрессий советских («при Петре I на Дону народа выбили больше, чем в живых оставили» – заведующий лабораторией казачества ЮНЦ РАН А.В. Венков (Венков, 2018: 281)). Более того, крупнейший донской ученый и писатель второй половины XIX в. Н.И. Краснов прямо проводил параллели между своей эпохой и началом XVIII в. Так, призывая правительство не торопиться с лишением казаков привилегий, Н.И. Краснов апеллировал к опыту Булавинского восстания, порожденного как раз нежеланием казачества «расстаться равнодушно с своими правами, обычаями и особенностями, а тем более с правами и привилегиями» (Краснов, 1864: 210-211). Так если, по мнению ряда современных авторов, уничтожение некоторых привилегий казаков при Александре II было именно «расказачиванием», то почему не считается «расказачиванием» еще более масштабное уничтожение казачьих привилегий Петром I, к тому же повлекшее казачье восстание и ответные репрессии (параллель с советскими репрессиями против казаков и последовавшим восстанием вполне очевидна)? Кстати, в художественном творчестве Н.И. Краснова репрессии Петра I против казаков описаны не менее ярко, чем большевистский террор у М.А. Шолохова (с поправкой, разумеется, на несопоставимый талант авторов): «Великая река сплошь была покрыта обширными плотами, и на каждом из них стояло по несколько виселиц, вроде качелей. К перекладинам во множестве были вбиты крючья и на них висели трупы казаков, раскачиваемые дуновением северного ветра. Иные висели головами книзу; были воткнутые на заостренные колья. На некоторых плотках качались одни отрезанные головы. <...>. Князь Долгорукий, мстя за смерть брата Юрия, буквально исполнил слова царя Петра: «сия саранча, кроме жесточи, ничем иным унята быть не может». Память об этих казнях, где погибло 7 000 донских рыцарей, доселе, как ужасное предание, живет между обитателями Донской земли» (Краснов, 1882: 12-13).

Конечно, мнения Н.И. Краснова нельзя распространять на всю общественную мысль Дона второй половины XIX в., а его утверждения о том, будто бы казаки еще в 1880 г. хорошо помнили петровские репрессии, могли быть преувеличены. Тем не менее, если искать очевидные параллели жесткой политике советской власти по отношению к донским казакам в эпоху Гражданской войны, то жесткое ограничение казачьих привилегий Петром I и инициированный им правительственный террор после Булавинского восстания явно подходят для этого гораздо лучше, чем сравнительно мягкий процесс утраты казаками их прежних прав во второй половине XIX в. Таким образом, если трактовать термин «расказачивание» расширительно, как любую правительственную политику по ограничению прав казачества и/или массовое физическое уничтожение казаков, то «расказачивание» следует начинать с эпохи Петра I, если не с эпохи Алексея Михайловича, когда Донское Войско утратило важнейшую привилегию формальной

независимости, присягнув на верность московским царям. Однако, при определенном внешнем сходстве, сущностно «расказачивания» начала XVIII в. и начала XX в. имеют мало общего, как мало общего было между петровской Россией и РСФСР эпохи В.И. Ленина. Не случайно до сих пор нет ни одной серьезной научной работы, где сопоставлялись бы процессы в донском войске в начале XVIII в. и в начале XX в. (даже Н.Н. Лысенко в своем крайне спорном нарративе их разводит, указывая, что Петр I, в отличие от большевиков, желал не уничтожить казачество как сословие, но подчинить его себе (Венков, 2018: 281).

Впрочем, как мы помним, по крайней мере для А.П. Скорика «исторический процесс расказачивания» это скорее процесс утраты казачьей идентичности, чем формальных привилегий. У других авторов, относящих начало «расказачивания» ко второй половине XIX в., терминологическая основа для этого слабее – так, Р.Г. Тикиджьян традиционно считает «расказачиванием» «десословизацию» и «геноцид» казаков, но при этом пытается доказать, что именно Великие Реформы Александра II задали тенденцию к постепенному упразднению казачества как сословия (Шишова и др., 2021: 40-41). Вот только между началом Великих Реформ и революцией 1917 г. прошло более полувека, и за этот срок казачество как сословие не исчезло. Поэтому остается не ясным, почему берется именно такая точка отсчета. Но и в случае с позицией А.П. Скорика принятие авторского определения «расказачивания» скорее запутывает, чем проясняет ситуацию. С середины XIX в. прошло более 150 лет, однако казачья идентичность до сих пор в полной мере не утрачена. При этом она переживала серьезные сломы и ранее, например, как раз в период правления Петра I, заставившего казаков заниматься сельским хозяйством (Очерк политической истории..., 1919: 41). Почему же более ранние трансформации казачьей идентичности, в рамках логики А.П. Скорика, были не утратой этой идентичности, но ее изменением, а вот именно с середины XIX в. казачья идентичность якобы начала теряться?

Оговорим, что мы не считаем взгляды А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна на «расказачивание» ошибочными. Эти серьезные ученые наверняка имеют некие основания считать, что процессы утраты казаками идентичности и их «десословизации» начались именно в эпоху Великих Реформ. Вот только, трактуя термин «расказачивание» как интуитивно понятный, они очень слабо прописывают эти обоснования в своем нарративе. Но главная проблема, на наш взгляд, даже не в этом. Сама идея привязать термин «расказачивание» к очень спорным и с большим трудом поддающимся анализу процессам (причем процессам скорее психологическим, чем социальным) кажется нам неудачной. Научный термин должен иметь четкое определение, и, например, если процесс утраты казаками их исторических привилегий можно фиксировать независимо от субъективных взглядов историка, то вопрос о том, когда именно процесс утраты этих привилегий, начавшийся, напомним, при Алексее Михайловиче, перешел именно в «десословизацию», едва ли будет иметь однозначный и бесспорный ответ. Аналогичным образом легко зафиксировать репрессии с физическим уничтожением тысяч казаков, но едва ли можно точно указать момент начала процесса утраты казаками особой казачьей идентичности.

Итак, попытки расширительно трактовать термин «расказачивание» ведут к утрате им реального смысла двумя способами. Если мы считаем «расказачиванием» массовое физическое уничтожение казаков, упразднение казачьих привилегий и/или серьезные трансформации казачьей идентичности, то под эти определения попадают множество совершенно различных и сущностно несходных процессов с XVII в. Если же мы, как ряд авторитетных историков, пытаемся не использовать термин «расказачивание» для процессов до середины XIX в., то мы должны вводить в его определение недоказанные (а, возможно, и принципиально недоказуемые) допущения, например, о том, что только с эпохи Великих Реформ упразднение казачьих привилегий вело к «десословизации» казачества. В итоге «расказачивание» или утрачивает смысл как научный термин, или из термина превращается в конструкт, фактически теорию процесса «расказачивания» от конкретного автора. Однако, поскольку при этом «расказачивание» трактуется как интуитивно понятное определение, данная теория в лучшем случае не доказывается, а в худшем даже не прописывается, и читателю остается догадываться, что подразумевал автор под «расказачиванием».

4. Заключение

И нам остается констатировать, что к термину «рассказачивание» в научной литературе следует относиться очень осторожно, избегая его неоправданного использования. Это не аутентичный термин, но производный номенклатурный термин, к тому же вошедший в регулярный оборот в казачьей публицистике. Он действительно использовался до 1990 гг., когда впервые был зафиксирован словарями русского языка, однако не имел устоявшегося значения, и применялся для характеристики совершенно разнородных событий и явлений. В итоге даже в современном научном сообществе нет консенсуса о том, что скрывается за понятием «рассказачивание».

Более того, как нам представляется, при использовании термина «рассказачивание» в наиболее широких значениях оно перестает означать какой-либо реальный исторический феномен и становится условным маркером для совершенно не связанных ни сущностно, ни типологически явлений, в разные эпохи негативно сказывавшихся на положении казаков. При этом у подобного значения слова «рассказачивание» есть давняя публицистическая традиция. Как мы показали выше, слово «рассказачивание» начало регулярно употребляться на рубеже 1920-1930 гг., на страницах журнала «Вольное казачество», и уже тогда имела место предельная политизация данного слова, использование его для обозначения всего, что не нравилось редакции («Все на фронт по борьбе с рассказачиванием!»).

Соответственно, если пытаться трансформировать слово «рассказачивание» в научный термин с четким определением, причем применимым только к явлениям одного сущностного круга, нужно не расширять, но, напротив, максимально сужать его смысл. Наиболее удачным вариантом нам представляется возврат слова «рассказачивание» к тому смыслу, в котором это слово было впервые зафиксировано в словарях русского языка («В советское время: политика лишения казачества самостоятельных военных и политических прав, фактически – его уничтожения»). Если свести «рассказачивание» исключительно к наиболее жестким проявлениям советской политики по отношению к казакам, к физическому уничтожению тысяч представителей казачества, неопределенность в его значении исчезнет. Однако этому препятствует уже сложившаяся историографическая традиция применения данного слова по отношению к некоторым элементам политики Российской империи. И попытки сузить значение слова «рассказачивание» на практике скорее только увеличат двусмысленность, резко усложнив понимание тех многочисленных текстов, в которых оно используется в широком значении.

Таким образом, с одной стороны, расширение применения термина «рассказачивание» на события XVIII или XXI вв. вполне уместно с точки зрения первоначального употребления этого слова. С другой стороны, исходя из необходимости эффективности научной терминологии, расширять применение термина «рассказачивание» едва ли осмысленно, поскольку в итоге его реальное содержание выхолащивается. И, с нашей точки зрения, в сложившейся ситуации лучшим выходом был бы вообще отказ от использования слова «рассказачивание» как научного термина. Необходимо признать, что слово «рассказачивание» изначально было публицистическим образом, а в научной литературе хотя и прижилось, но не получило четкого значения. В итоге за употреблением термина «рассказачивание» обычно скрывается авторский взгляд на проблемы казачества определенной эпохи, фактически целая научная теория «рассказачивания», которая, однако, никогда не обосновывается. Соответственно, пока на смену этим многочисленным и не обоснованным авторским теориям не придет единая общепринятая теория «рассказачивания», использовать слово «рассказачивание» в качестве научного термина вообще не желательно. Это и малопродуктивно в научном отношении, и создает предпосылки для неверного понимания текста, и, главное, может вызвать непредсказуемые последствия с учетом того, что радикальные казачьи деятели до сих пор пытаются обвинять Россию в геноциде казаков, а слово «рассказачивание» может применяться в качестве синонима этого геноцида, но при этом имеет и совершенно иные смыслы. Гораздо более подходящими для определения исторических событий в научной литературе нам представляются аутентичные составные термины соответствующей эпохи (например, для упразднения казачьих войск Российской империей в 1860 г. – «обращение казаков в податное состояние», для советских репрессий в период Гражданской войны – «массовый террор против казаков»), поскольку они не оставляют место для двусмысленности. При

этом, конечно, слово «рассказывание» сохранится в казачьей публицистике и неизбежно его использование историками хотя бы при описании политических настроений определенной части казаков с периода эмиграции по наши дни, однако это должно быть использование не в качестве объективного научного термина.

Литература

- Балинов, 1930** – Балинов Ш. Казачье сегодня // *Вольное казачество*. 1930. № 56. С. 13-14.
- Балинов, 1932** – Балинов Ш. Чем стало казачество // *Вольное казачество*. 1932. № 99. С. 5-8.
- Большевики..., 1930** – Большевики в Казачьих Землях // *Вольное казачество*. 1930. № 66. С. 5-7.
- Борьба с коммунизмом..., 1930** – Борьба с коммунизмом среди поработенных народов // *Вольное казачество*. 1930. № 57. С. 8-11.
- Венков, 2018** – Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // *Новое прошлое/The New Past*. 2018. № 1. С. 275-290.
- Гейман, 1930** – Гейман А.А. Восстание против большевиков в 1918 г. в Майкопском отделе // *Вольное казачество*. 1930. № 61-62. С. 18-20.
- Давыдова, 2015** – Давыдова О.А. Страшное слово рассказывание // *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. 2015. № 2. С. 16-21.
- Данилевский, 2020** – Данилевский И.Н. «Слова, слова, слова» // *Новое прошлое/The New Past*. 2020. № 3. С. 102-122.
- Демидова, 2013** – Демидова А.Н. Рассказывание в Хоперском округе в 1918-1931 гг. Волгоград, 2013. 232 с.
- Дукмасов, 1871** – Дукмасов И.А. Необходимость реформы в казачьих войсках // *Военный сборник*. 1871. № 7. С. 49-70.
- Казачество..., 2019** – Казачество в конце XIX - начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2019. 296 с.
- Казачий словарь-справочник, 1968** – Казачий словарь-справочник. Т. 1. Кливленд, 1968. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/d.htm> (дата обращения: 13.03.2022).
- Карасев, 1900** – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // *Исторический вестник*. 1900. № 80. С. 167-174.
- Конференция..., 2021** – Конференция «Война и воинские традиции в культурах народов Юга России» (Токаревские чтения X) 14-15 мая 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://dikoe-pole.com/2021/05/17/x-14-14-2021/> (дата обращения: 13.03.2022).
- Краснов, 1864** – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб, 1864. 352 с.
- Краснов, 1882** – Краснов Н.И. Казак Иван Богатый. (Эпилог булавинского восстания). Новочеркасск, 1882. 18 с.
- Лысенко, 2017** – Лысенко Н.Н. Геноцид казаков в Советской России СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования. Ростов-на-Дону, 2017. 636 с.
- Матишов и др., 2019** – Матишов Г.Г., Савельева О.С., Слюнина Е.Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд рассказывания на Дону. Ростов-на-Дону, 2019. 216 с.
- Наш ответ..., 1930** – Наш ответ г-ну Мельникову // *Вольное казачество*. 1930. № 65. С. 5-9.
- Нечуй-Левицкий, 1930а** – Нечуй-Левицкий Н. Вдуматься – отомстить // *Вольное казачество*. 1930. № 55. С. 15.
- Нечуй-Левицкий, 1930б** – Нечуй-Левицкий Н. Размышление по случаю 13-й годовщины красного октября // *Вольное казачество*. 1930. № 68. С. 14-16.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Очерк политической истории..., 1919** – Очерк политической истории Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. 105 с.
- Подхомутникова, 2021** – Подхомутникова М.В. Рассказывание: трудные вопросы истории // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Т. 13. № 2. С. 151-160.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.

- Савельев, 1930** – Савельев С. Сам себя наказал // *Вольное казачество*. 1930. № 69. С. 16-17.
- Сватиков, 1924** – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549 – 1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
- Скорик, 2019** – Скорик А.П. Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 4. С. 102-115.
- Тикиджьян, 2013** – Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. 228 с.
- Трут, 2003** – Трут В.П. Трагедия рассказывания // *Донской временник*. Вып. 12. Ростов-на-Дону, 2003. С. 24-29.
- Указ Президента..., 2020** – Указ Президента Российской Федерации об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKlDz3Q6T4YworXuMNwCd3YaQzZVLrr.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).
- Харьковский процесс, 1930** – Харьковский процесс // *Вольное казачество*. 1930. № 57. С. 4-5.
- Хрестоматия, 1996** – Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.). М., 1996. 896 с.
- Шишова и др., 2021** – Шишова Н.В., Тикиджьян Р.Г., Бондарев В.А. К вопросу о факторах незавершенности рассказывания в СССР // *Вестник Калмыцкого университета*. 2021. № 1 (49). С. 39-45.
- Шулдяков, 2016** – Шульдяков В.А. Сибирцы и енисейцы, рассказывание и оказывание – две альтернативы 1917 года // *Национальные приоритеты России*. 2016. № 1 (19). С. 25-28.
- Юрченко, 2019** – Юрченко И.Ю. Проблема рассказывания в новейшей историографии: история изучения, юридические и политические аспекты, библиография и статистика публикаций // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24, № 4. С. 224-234.
- Public sitting..., 2022** – Public sitting held on Monday 7 March 2022, at 10 a.m., at the Peace Palace, President Donoghue presiding, in the case concerning Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation). [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182-20220307-ORA-01-00-BI.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).
- Russian Federation, 2022** – Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182-20220307-OTH-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 14.03. 2022).

References

- Balinov, 1930** – Balinov, Sh. (1930). Kazach'e segodnya [Cossack today]. *Vol'noe kazachestvo*. 56: 13-14. [in Russian]
- Balinov, 1932** – Balinov, Sh. (1932). Chem stalo kazachestvo [What became the Cossacks]. *Vol'noe kazachestvo*. 99: 5-8. [in Russian]
- Bol'sheviki..., 1930** – Bol'sheviki v Kazach'ikh Zemlyakh [Bolsheviks in the Cossack Lands]. *Vol'noe kazachestvo*. 1930. № 66. Pp. 5-7. [in Russian]
- Bor'ba s kommunizmom..., 1930** – Bor'ba s kommunizmom sredi poraboshchennykh narodov [The fight against communism among the enslaved peoples]. *Vol'noe kazachestvo*. 1930. № 57. Pp. 8-11. [in Russian]
- Danilevskii, 2020** – Danilevskiy, I.N. (2020). «Slova, slova, slova» [“Words, words, words”]. *Novoe proshloe/The New Past*. 3: 102-122. [in Russian]
- Davydova, 2015** – Davydova, O.A. (2015). Strashnoe slovo raskazachivanie [Terrible word Rascossachivanie]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. 2: 16-21 [in Russian]
- Demidova, 2013** – Demidova, A.N. (2013). Raskazachivanie v Khoperskom okruge v 1918–1931 gg. [Decossackization in the Koper District in 1918-1931]. *Volgograd*. P. 232. [in Russian]
- Dukmasov, 1871** – Dukmasov, I.A. (1871). Neobkhodimost' reformy v kazach'ikh voiskakh [The need for reform in the Cossack hosts]. *Voennyi sbornik*. 7: 49-70. [in Russian]

Geiman, 1930 – *Geiman, A.A.* (1930). Vosstanie protiv bol'shevikov v 1918 g. v Maikopskom otdele [The uprising against the Bolsheviks in 1918 in the Maikop department]. *Vol'noe kazachestvo*. 61-62: 18-20 [in Russian]

Karasev, 1900 – *Karasev, A.A.* (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862–1863]. *Istoricheskii vestnik*. 80: 167-174. [in Russian]

Kazachestvo..., 2019 – Kazachestvo v kontse XIX – nachale XXI v.: raskazachivanie i sotsiokul'turnye transformatsii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [Cossacks in the late 19th – early 21st centuries: decossackization and sociocultural transformations: materials of the All-Russian Scientific Conference.]. Rostov-on-Don, 2019. P. 296. [in Russian]

Kazachii slovar'-spravochnik, 1968 – Kazachii slovar'-spravochnik [Cossack dictionary-reference book]. T. 1. Klivlend, 1968. [Electronic resource]. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/d.htm> (date of access: 13.03.2022). [in Russian]

Khar'kovskii protsess, 1930 – Khar'kovskii protsess [Kharkov process]. *Vol'noe kazachestvo*. 1930. 57: 4-5. [in Russian]

Khrestomatiya..., 1996 – Khrestomatiya po otechestvennoi istorii (1914–1945 gg.) [Chrestomathy about national history (1914–1945).]. M., 1996. P. 896. [in Russian]

Konferentsiya..., 2021 – Konferentsiya «Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii» (Tokarevskie chteniya X) 14-15 maya 2021 goda [Conference “War and military traditions in the cultures of the peoples of the South of Russia” (Tokarev readings X) May 14-15, 2021]. [Electronic resource]. URL: <https://dikoe-pole.com/2021/05/17/x-14-14-2021/> (date of access: 13.03.2022). [in Russian]

Krasnov, 1864 – *Krasnov, N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]

Krasnov, 1882 – *Krasnov, N.I.* (1882). Kazak Ivan Bogatyi. (Epilog bulavinskogo vosstaniya) [Cossack Ivan the Rich. (Epilogue of the Bulawin Uprising)]. Novocherkassk. P. 18. [in Russian]

Lysenko, 2017 – *Lysenko, N.N.* (2017). Genotsid kazakov v Sovetskoii Rossii SSSR: 1918–1933 gg. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya [Genocide of the Cossacks in Soviet Russia and the USSR: 1918–1933. Experience in ethnopolitical research]. Rostov-na-Donu. P. 636. [in Russian]

Matishov i dr., 2019 – *Matishov, G.G., Savel'eva, O.S., Slyunina, E.Yu.* (2019). Tsimlyanskaya plotina: poslednii akkord raskazachivaniya na Donu [Tsimlyanskaya dam: the last chord of decossackization on the Don]. Rostov-na-Donu. P. 216. [in Russian]

Nash otvet..., 1930 – Nash otvet g-nu Mel'nikovu [Our answer to Mr. Melnikov]. *Vol'noe kazachestvo*. 1930. 65: 5-9. [in Russian]

Nechui-Levitskii, 1930a – *Nechui-Levitskii, N.* (1930). Vdumat'sya – otomstit' [Think about it – take revenge]. *Vol'noe kazachestvo*. 55: 15. [in Russian]

Nechui-Levitskii, 1930b – *Nechui-Levitskii, N.* (1930). Razmyshlenie po sluchayu 13-i godovshchiny krasnogo oktyabrya [Reflection about the occasion of the 13th anniversary of Red October]. *Vol'noe kazachestvo*. 68: 14-16. [in Russian]

Ocherk politicheskoi istorii..., 1919 – Ocherk politicheskoi istorii Vsevelikogo Voiska Donskogo [Essay about the political history of the Great Don Host]. Novocherkassk, 1919. P. 105. [in Russian]

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Podkhomutnikova, 2021 – *Podkhomutnikova, M.V.* (2021). Raskazachivanie: trudnye voprosy istorii [Raskazachivanie: difficult issues of history]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 13(2): 151-160. [in Russian]

Public sitting..., 2022 – Public sitting held on Monday 7 March 2022, at 10 a.m., at the Peace Palace, President Donoghue presiding, in the case concerning Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation). [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182-20220307-ORA-01-00-BI.pdf> (date of access: 13.03.2022).

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military and historical archive].

Russian Federation, 2022 – Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182-20220307-OTH-01-00-EN.pdf> (date of access: 14.03.2022).

Savel'ev, 1930 – Savel'ev, S. (1930). Sam sebya nakazal [Punished himself]. *Vol'noe kazachestvo*. 69: 16-17. [in Russian]

Shishova i dr., 2021 – Shishova, N.V., Tikidzh'yan, R.G., Bondarev, V.A. (2021). K voprosu o faktorakh nezavershennosti raskazachivaniya v SSSR [About the question factors of decossackization in the USSR]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 1(49): 39-45. [in Russian]

Shuldyakov, 2016 – Shuldyakov, V.A. (2016). Sibirtsy i eniseitsy, raskazachivanie i okazachivanie – dve al'ternativy 1917 goda [The sibirtsy and the eniseitsy, decossackization and ocosackization – two alternatives of 1917]. *Natsional'nye prioritety Rossii*. 1(19): 25-28. [in Russian]

Skorik, 2019 – Skorik, A.P. (2019). Raskazachivanie kak politika i sotsial'nyi protsess na Donu v 1920-e gody [Raskazachivanie as a Policy and Social Process in the Don Region in the 1920s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(4): 102-115 [in Russian]

Svatikov, 1924 – Svatikov, S.G. (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]

Tikidzh'jan, 2013 – Tikidzh'jan, R.G. (2013). Donskoe kazachestvo v konce XIX – nachale XX veka. Istoricheskij portret [Don Cossacks in late XIX – early XX centuries. A historical portrait]. Saarbrücken. P. 228. [in Russian]

Trut, 2003 – Trut, V.P. (2003). Tragediya raskazachivaniya [The tragedy of decossackization]. *Donskoi vremennik*. 12: 24-29. [in Russian]

Ukaz Prezidenta..., 2020 – Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v otnoshenii rossiiskogo kazachestva na 2021–2030 gody [Decree of the President of the Russian Federation on approval of the Strategy of the State Policy of the Russian Federation towards the Russian Cossacks for 2021–2030]. [Electronic resource]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKLDz3Q6T4YworXuMNwCd3YaQzZVLrr.pdf> (date of access: 13.03.2022). [in Russian]

Venkov, 2018 – Venkov, A.V. (2018). Genotsid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazatskogo naroda» [Genocide, Holodomor and Other Horrors in the History of the «Cossack people»]. *Novoe proshloe/The New Past*. 1: 275-290. [in Russian]

Yurchenko, 2019 – Yurchenko, I.Yu. (2019). Problema raskazachivaniya v noveishei istoriografii: istoriya izucheniya, yuridicheskie i politicheskie aspekty, bibliografiya i statistika publikatsii [The Issue of Decossackization in Modern Historiography: History of Studying, Legal and Political Aspects, Bibliography and Statistics of Publications]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(4): 224-234. [in Russian]

К вопросу о рисках применения термина «рассказачивание»

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время в постсоветской историографии и публицистике используется ряд терминов, имеющих ярко выраженную экспрессивную окраску и потенциально деструктивных. Самым ярким примером подобного термина является термин «геноцид», вопрос о трактовке которого Россией в настоящее время даже рассматривается Международным судом ООН. Однако существуют и более частные термины, применяющиеся для обозначения конкретных репрессий, такие, как «голодомор» или «рассказачивание».

Термин «рассказачивание» часто используется даже в научной литературе без расшифровки его конкретного значения. Между тем он многозначен, и есть случаи его применения для обозначения исключительно «геноцида казаков». С учетом существования общественно-политических сил, призывающих к возмездию русским за этот (реальный или

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

мифический) геноцид, вопрос об уместности применения научного термина «расказачивание» встает особенно остро.

В статье показано, что термин «расказачивание» не является аутентичным. Первые найденные нами случаи его применения относятся к рубежу 1910–1920 гг., причем тогда он имел другой смысл, обозначая сравнительно мирный процесс утраты казаками своих привилегий и идентичности. Регулярно использоваться он стал на страницах эмигрантского журнала «Вольное Казачество» к 1930 г. Однако уже тогда он впервые поменял значение, начав применяться для обозначения самых разных процессов, невыгодных для казачества, по мнению редакции журнала. И только в 1990 гг. «расказачивание» попадает в словари русского языка как обозначение жестких советских репрессий казачества.

Современные историки используют термин «расказачивание» во всех указанных выше смыслах, добавляя к ним еще и свои. Это затрудняет, а не облегчает понимание их статей. Кроме того, зачастую под термином «расказачивание» скрываются неочевидные авторские воззрения на различные процессы истории казачества. Автор делает вывод, что следует избегать использования слова «расказачивание» как научного термина, заменяя его сложными аутентичными терминами (например, «массовый террор против казаков»).

Ключевые слова: донское казачество, расказачивание, донская историография, «Вольное Казачество», научные термины, казачий национализм.